

XXXII г.

№ 31

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXII

1901

Выходить еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 24-хъ книжекъ „Сборника“, содерж. соч. Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО, 12 книгъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 4-го августа 1901 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1901 г.

Подписная цѣна годового изданія „Нивы“ со всеми приложеніями на 1901 г.: 24 книги Сборника „Нивы“, содержащихъ полное собраніе сочиненій Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО, 12 книгъ „Литературныхъ приложений“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ.	5 р. 50 к.	Безъ дост. въ Москвѣ въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линии.	6 р. 25 к.	Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевская, 12.	6 р. 50 к.	Съ доставкою въ Петербургъ.	6 р. 50 к.	Съ пересылкою во все мѣстоности Россіи.	7 р.	За границу.	10 р.
------------------------------	-------------------	--	-------------------	--	-------------------	-----------------------------	-------------------	---	-------------	-------------	--------------

На 1/4 года съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

Еще этому № прилагаются: „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АВГУСТЪ 1901 г. съ 26 рис. и отдѣльн. листъ съ 30 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 6 рис. для выжиганія.

XXIX передвижная выставка. «На Днѣпрѣ».
Картина Н. К. Пимоненко, по фотогр. Г. Глыбовскаго авт. «Нивы».

Д е н ь г и .

П о в ѣ с т ь

П . П . Г н ѣ д и ч а .

(Продолженіе)

Трудно было опредѣлить, чѣмъ руководствовались тетки въ выборѣ маленькой подружки для ихъ племянника. Казалось ли имъ, что мальчикъ растеть слишкомъ дикимъ и одинокимъ, или онѣ для собственной забавы брали въ домъ дѣвочку, какъ прикармливаютъ отъ нечего дѣлать воробьевъ и собаченокъ. Но какъ бы то ни было, со слѣдующаго дня Саша стала появляться въ ихъ саду, когда была хорошая погода, и въ комнатахъ, когда погода была дурная. Ея свѣтлые глазенки смотрѣли весело и просто, одинаково на всѣхъ: и на лакея, и на тетюшекъ, и на важныхъ гостей. Всѣмъ она присѣдала, не стѣняясь садилась въ угольѣ вѣстъ варенье, а къ Толѣ, повидимому, искренно привязалась. Никогда она ничего не просила, ѣла, когда давали, утирала ротъ своимъ платочкомъ и говорила:

— Merci, ваше превосходительство.

Иногда она присутствовала на урокахъ Толи и, широко открывъ глаза, внимательно слѣдила за всѣмъ, чѣмъ занимались съ нимъ, быстро усваивая то, что усваивалось ея маленькимъ мозгомъ, и черезъ мѣсяць, весьма неожиданно, на французскій вопросъ Вероники о томъ, какая погода къ удивленію всѣхъ, а, главное, самое себя, отвѣтила:

— Il pleut, ma tante.

Это привело тетокъ въ такое восхищеніе, что ей подарили фильдекосовые чулки и сатиновое платье. Къ концу лѣта она свободно читала по-русски, а писала такъ, что Толя не могъ за ней угоняться.

Дѣти сдружились. Мальчикъ даже иногда заходилъ на сосѣдній дворъ. Ему такъ хотѣлось лазать по трубамъ и котламъ вслѣдъ за дѣвочкой. Такъ хорошо было пролѣзть насквозь черезъ огромныя отверстія трубы, хотя потомъ и оказывались дыры на колѣнахъ. Такъ хорошо было сидѣть въ котлахъ — это были настоящія пещеры. Такъ хорошъ былъ огорожокъ въ углу двора, гдѣ было шесть грядокъ съ лукомъ и капустой. И какой вкусный лукъ росъ на этихъ грядкахъ! Подъ вечеръ, когда всплывала красная луна, Василій садился на завазенку. Черный хлѣбъ рѣзался толстыми кусками, посыпался крупной солью, на каждого доставалось по три головки лука, и благовоспитанный Толя съ наслажденіемъ жевалъ этотъ неблаговоспитанный ужинъ, находя его во сто разъ вкуснѣе, чѣмъ говядина съ вермишелью, которую любили старухи и часто заказывали на вечеръ, какъ «легкое кушанье».

Природа сближала дѣтей. Они смотрѣли на птицъ, на бабочекъ, на муравьевъ, они играли съ собаками; Толя не любилъ животныхъ, а кошекъ боялся — это къ нему перешло отъ тетокъ, которые въ домѣ мирились съ крысами и мышами, но кота не заводили. Однако онъ подчинился той дѣтской всеобъемлющей любви, что таилась въ сердечкѣ Саши, и вмѣстѣ съ ней ласкалъ, гладилъ собакъ, кормилъ птицъ и рыбъ въ маленькомъ жалкомъ прудѣ. Онъ дѣлалъ это по инстинкту, изъ подражанія дѣвочкѣ. Онъ никогда съ ней не ссорился, разъ только довелъ ее до слезъ тѣмъ, что сталъ увѣрять, что ея отецъ — хамъ.

— Нѣтъ, онъ не хамъ, — говорила дѣвочка, притопывая поженкой. — Хамъ, это который пьяный и оретъ. А тятка тихій.

Толя, развалившись на скамейкѣ, презрительно поглядывалъ на нее.

— Нѣтъ, хамъ, — стоялъ онъ на своемъ. — Онъ — солдатъ, значить, онъ холопъ, и больше ничего. А я — баринъ.

И въ доказательство, что онъ баринъ, онъ поднималъ вверхъ ноги, до самаго неба.

— А ты не барышня, — продолжалъ онъ ее поучать. — Ты теперь по-французски говоришь, а все-таки не барышня. Вотъ если я женюсь на тебѣ, ты сдѣлаешься барышней. И отцу твоему я велю дать чинъ, и онъ будетъ благородный.

Когда дочь передала эти соображенія отцу, онъ ихъ не одобрилъ.

— Пушай онъ, коли баринъ, такъ имъ самымъ и остается. А намъ господами нельзя быть.

— Отчего же? — допытывалась Саша.

— Да потому самому, что надо кому-нибудь солдатомъ быть. Безъ солдатъ никакъ невозможно. Потому каждый человѣкъ на своемъ мѣстѣ и стоитъ, что это мѣсто ему предоставлено.

Когда наступила осень, Саша все чаще и чаще стала появляться въ комнатахъ господскаго дома. Толю не пускали постоянно въ садъ, хотя онъ просился и плакалъ. Онъ ставилъ въ примѣръ Сашу, которая въ теплой кофточкѣ и въ платочкѣ цѣлый день была на дворѣ. Но ему возражали:

— Саша солдатская дочка.

Они рядомъ сидѣли у окна и смотрѣли, какъ снѣгъ падалъ на землю пушистыми сахаристыми хлопьями, какъ устилалъ сперва пятнами, потомъ ровной простыней дворъ и улицу, какъ облѣплялъ оголенные вѣтки, какъ бѣлилъ крыши и набивался въ щели оконъ и на подоконники. Сѣрое небо спустилось ниже, висѣло надъ самымъ домомъ; трещали печи, горѣли лампы, — и старушка-зима надвигалась съ своими сказками и морозными звѣздами.

III.

Школа раздѣлила дѣтей. Его отдали сперва въ аристократическій пансіонъ, потомъ въ гимназію. Тетки жалѣли, что въ Москвѣ нѣтъ ни школы правовѣдѣнія, ни лицея, но отпугать мальчика въ Петербургъ не рѣшались. Гимназію выбрали самую нравственную и отправили туда мальчика не иначе, какъ со старымъ кучеромъ Игнатомъ. Игнатъ, чтобы показать, кого онъ везетъ, всегда надѣвалъ вмѣсто шапки картузъ, чѣмъ приводилъ въ неистовство Толю.

— Стану я по такой погодѣ бобровую шапку портить, — ворчалъ Игнатъ. — И въ картузѣ хорошѣ.

Учился Толя старательно; учителя имъ были довольны, но товарищи его не любили. Онъ любилъ шикнуть, клнуть имъ въ носъ то, что у него дома есть мундирчикъ на черномъ шелку, а въ будущемъ году ему сдѣлаютъ фалды на бѣломъ шелковомъ подбоѣ, какъ у модниковъ студентовъ, которые взяли эту моду съ офицеровъ. Тетки поддерживали въ немъ эти инстинкты, говоря:

— Порядочность — первое дѣло. Пусть всегда будетъ такимъ: ничего лучшаго не надо.

Онъ получалъ карманныхъ денегъ больше чѣмъ кто бы то ни было изъ его товарищей. Сначала онъ принялся за собираніе книгъ и особенно настаивалъ на приличныхъ переплетахъ. Тетки съ умиленіемъ на него смотрѣли и шептали:

— Ученымъ, пожалуй, будетъ.

Но черезъ годъ ему надоѣла бібліотека. Онъ влюбился въ дочь одного отставнаго генерала; онъ былъ уже студентъ, носилъ мундиръ дѣйствительно на бѣлой подкладкѣ и пропадалъ въ генеральской семьѣ цѣлые вечера, даже участвовалъ въ живой картинѣ на домашнемъ спектаклѣ, изображая какого-то миннезингера, подъ балкономъ какой-то донны. Но затѣмъ у генеральской дочки явился женихъ, гусарь, съ совершенно лысой головой, несмотря

на свои двадцать восемь лѣтъ. Раза два замѣтивъ шептаніе по угламъ Толя съ невѣстой, онъ, съ гусарскою опытностью, поговорилъ съ нимъ однажды, тоже въ углу, передъ самымъ ужиномъ. Разговоръ продолжался не болѣе трехъ минутъ, но Толя не только не остался послѣ этого ужинать, но не спалъ двѣ ночи, похудѣлъ, и все шагаль по своей комнатѣ, сжимая кулаки и строя гусару адскія козни. Но вскорѣ былъ забытъ и гусарь, и генеральская дочка, и на первый планъ выступила опереточная «дива», фамилія которой была Хлюстина и которая окружала себя молодежью, специально для поддержанія bis'овъ во время пѣнія аріи «кувыркомъ». Она позволяла учащейся молодежи цѣловать ея ручки, а тѣмъ, кто завѣдывалъ клякой — даже ея бѣлоснѣжную шейку. Толя не выдержалъ и сталъ предводителемъ кляки. Онъ поддерживалъ диву всѣмъ, чѣмъ могъ: своимъ вліяніемъ, всѣми своими карманными деньгами, краснорѣчіемъ, неистовымъ хлопаньемъ. Но и здѣсь ему не повезло. Внезапно диву выслали полиція, и Толя впалъ въ черную меланхолію, особенно когда узналъ, что выслали ее за весьма наглымъ шантажъ.

Товарищи не любили Толю и въ университетѣ. Онъ падъ ними подсмѣивался, но когда ему отвѣчали рѣзко, — вскипалъ и говорилъ грубости. Въ лицѣ его появилась какая-то холодность, какая-то жалкая манія величія. Когда онъ шелъ въ университетъ, небрежно поглядывая по сторонамъ, казалось, онъ думалъ: «Бѣгайте, суетитесь, — мнѣ до васъ нѣтъ никакого дѣла. Вы для меня такъ, — мелкота, мразь. Я человекъ обезпеченный, послѣ тетокъ сумѣю прикарманить большой капиталъ, и никогда ни въ чемъ и ни въ комъ не буду нуждаться. Вы заискивайте во мнѣ, а я буду къ вамъ снисходить».

Его презрительная насмѣшка сквозила и въ отношеніяхъ къ товарищамъ. Онъ крайне изумился, когда узналъ, что Пѣтуховъ рѣшилъ сразу отдаться наукѣ, и написалъ тотчасъ по окончаніи курса изслѣдованіе о примѣненіи римскихъ законовъ въ Галліи, освѣтивъ этотъ вопросъ съ совершенно новой стороны.

— Что тебѣ за охота? — удивлялся онъ. — Неужели ты хочешь себя посвятить научной карьерѣ?

— Хочу, — говорилъ съ упорствомъ Пѣтуховъ.

— Зачѣмъ? Передъ тобой живая дѣятельность. Посмотри, какъ я живо буду шагать по административной лѣстницѣ.

— А мнѣ какое до тебя дѣло? — буркнулъ Пѣтуховъ. — Лѣзь хоть въ министры, не все ли мнѣ равно?

— Конечно, съ тобой словъ не стоитъ терять! — согласился Анатолій.

— И не терай. Мы съ тобой люди разныхъ принциповъ. Ты смотришь на жизнь, какъ на клячу, которую можно погонять и получать съ нея дневной заработокъ. Анатолій усмѣхнулся.

— Вѣдь клячи на то и созданы.

— Не думаю. Ты готовъ эксплуатировать все.

— Конечно. Эксплуатировать надо все окружающее, и изъ всего получать пользу.

— Хотя бы во вредъ другимъ?

— Другіе должны сами стоять за себя. Каждый долженъ быть на стражѣ своихъ интересовъ. Не надо грабить и убивать, потому что за это наказуетъ законъ.

— Ну, а если ты ограбишь на основаніи закона? — поинтересовался Пѣтуховъ.

— Я на сторонѣ закона всегда, — цинично сказалъ Анатолій.

Съ тѣхъ поръ они, при встрѣчахъ на улицѣ, не кланялись другъ съ другомъ, даже отворачивались. Анатолій это не смущало, и на лицѣ его было написано:

— А все-таки у меня есть деньги, а у васъ нѣтъ. Все-таки я обезпеченъ, и могу жить какъ хочу, а вы должны подличать и унижаться.

Саша, конечно, совсѣмъ отошла куда-то далеко на задній планъ. Она показывалась въ большіе праздники въ

ихъ домѣ, поздравляла тетокъ, цѣловала у нихъ ручки, кланялась молодому барину издали, ѣла въ уголку куличъ и пасху, держала себя всегда скромно, училась гдѣ-то кроить и шить и не-смотря на свои семнадцать лѣтъ казалась солидной дѣвушкой. Анатолій ее какъ-то не замѣчалъ. Разъ ему сказали тетки, что умеръ Василій, Саша приходила заплаканная, и онѣ дали ей пятнадцать рублей на похороны. Анатолій вспомнилъ про лукъ и хлѣбъ съ крупнѣй солью, вынулъ изъ бумажника пять рублей и просилъ передать ей, чѣмъ умилилъ не мало тетокъ. Послѣ этого прошло нѣсколько дней. Онъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ за лекціями, когда ему доложили, что пришла Саша, и такъ какъ тетусекъ нѣтъ, — такъ не приметъ ли онъ ее. Онъ велѣлъ ее впустить.

Вошла Саша, поблѣднѣвшая, похудѣвшая.

— Благодарствуйте Анатолій Павловичъ, — заговорила она: — спасибо, что помогли въ тяжелую минуту. Пришла благодарить васъ и тетусекъ.

Онъ оглянулъ всю ея фигуру. Она была хорошенькая, крѣпенькая дѣвушка, съ золотыми волосами и грустнымъ личикомъ. Онъ всталъ, подошелъ къ ней, тихонько обнялъ ее и поцѣловалъ, она крѣпко и довѣрчиво поцѣловала его, потомъ хотѣла отстраниться, но онъ ее крѣпко держалъ.

— Садись сюда, — предложилъ онъ, подводя ее къ дивану и не выпуская изъ рукъ.

Она сѣла, съ удивленіемъ глядя на него. Онъ близко наклонился къ ней, хотѣлъ поцѣловать ее въ щеку, но вдругъ ея руки сильно сжали его локти и заставили разнять объятія. Она встала, слегка оттолкнувъ его, такъ что онъ покачнулся на диванѣ.

— Вы ошиблись, — сказала она и вышла изъ комнаты, тихонько притворивъ дверь.

Онъ сидѣлъ, тяжело дыша. Яркая краска заливала его щеки. Это не была краска стыда, — то былъ румянецъ обиды.

— Хорошо же! — сказалъ онъ усмѣхаясь. — Это мы припомнимъ. Скажите, какая сцена: «вы ошиблись».

Вскорѣ онъ узналъ, что Саша уѣхала въ Петербургъ учиться.

— Чему? — спросилъ онъ. — А впрочемъ мнѣ все равно.

IV.

Послѣ четырехъ лѣтъ службы, Анатолій, благодаря протекціи тетокъ, получилъ мѣсто товарища прокурора. Одну зиму онъ служилъ въ провинціи, а затѣмъ его перевели въ Москву, подъ крылышко старухъ.

— Теперь тебѣ жениться надо, — въ одинъ голосъ рѣшили тетки.

Но онѣ расходились во взглядѣ на невѣсту. Младшая говорила, что лучше всего взять молоденькую, совсѣмъ молоденькую, такого ципленочка, — и передѣлать его на свой ладъ. Главное — чтобъ былъ тихій характеръ и любовь къ дому. Но Варвара на это не соглашалась.

— Ему надо, — говорила она: — даму, которая бы могла устроить салонъ. Помяни мое слово, онъ будетъ губернаторомъ. Что же ципленокъ дѣлать будетъ? Тутъ вѣдь, въ случаѣ нужды, и государя надо умѣть принять. Ему надо женщину изъ общества со связями и состояніемъ.

— Состояніе у него есть, — стояла на своемъ Вероника Павловна: — значить объ этомъ думать нечего. И связи есть. Что другое, а губернаторство отъ него не уйдетъ.

Онѣ стали сами прискивать невѣсту; но все что-то не выходило. Онъ завелъ въ Москвѣ большое знакомство; купеческія дочки на него засматривались, но онъ велъ себя осторожно. Саша снова явилась въ Москвѣ и пришла къ теткамъ, но она показалась ему уже совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Она развилась въ красавицу женщину и имѣла дипломъ акушерки. Мало того, она состояла при клиникѣ извѣстнаго профессора и менѣе пятидесяти рублей не брала за пріемъ. Она стала мягко-развязна, носила въ ушахъ кабашоны, эмалевые часы ея стояли не-

Выставка СПб. общества художниковъ. Каменный мостъ на рѣкѣ Бѣлой въ Дахскомъ ущельѣ.
Картина Л. Ф. Лагоріо, по фотогр. І. Глыбовскаго авт. «Нивы».

Въ саду. Картина Н. К. Пимоненко, по фотогр. И. Глыбовскаго авт. «Нивы».

мало. Анатолий смотрѣлъ на нее и глазамъ не вѣрилъ: онъ даже ей сталъ говорить «вы».

— А помните, здѣсь, рядомъ въ комнатѣ, — спросила она: — пять лѣтъ назадъ, какъ вы меня обласкали?

Она насмѣшливо, вызывающе смотрѣла ему въ глаза. Въ комнатѣ никого не было, они были одни.

— Я бы и теперь... — началъ онъ и вдругъ осѣкся подъ ея взглядомъ.

— Вы такой же нахаль, какъ и прежде? — спросила она.

— То-есть какъ это — нахаль? — повторилъ онъ.

— А такъ. Я по вашему лицу вижу. Такія лица многимъ женщинамъ нравятся.

Онъ сразу утихъ.

— А вамъ? — спросилъ онъ.

— А мнѣ?..

Она остановилась и, закусивъ нижнюю губу, лукаво посмотрѣла на него.

— Отгадайте?

— Однако, вы въ Петербургѣ развились, — замѣтилъ онъ.

— Да, курсъ кончила первой. Профессора мной довольны. Женихъ у меня есть.

Ему это было непріятно.

— Мнѣ это не нравится, — полуплутиво сказалъ онъ.

— Что же вы сами хотѣли жениться на мнѣ? Если да — я ему откажу.

— Вы меня предпочитаете?

— Да, — вы богаче.

Онъ повернулся на стулѣ, хотѣлъ опять отвѣтить шуткой, но вошли тетки, и Саша стала гораздо скромнѣе.

Анатолий поѣхалъ къ ней на квартиру. Былъ два раза и не заставалъ дома. Она жила въ Долгоруковскомъ переулкѣ, и подъѣздъ у нея былъ со швейцаромъ, чѣмъ въ Москвѣ и до сихъ поръ рѣдкость. Отворяла ему дверь расторопная горничная съ колечками на лбу, и каждый разъ повторяла:

— Ежели практика у васъ, то оставьте адресъ.

Анатолий вошелъ не столько для того, чтобъ написать записку, сколько для того, чтобъ посмотреть, какъ Саша живетъ. Комнаты были низенькія, но на полу — малиновое сукно, у окна — рѣзной орѣховый столикъ, по стѣнамъ — фотографіи, а на столахъ — цѣлая куча французскихъ и нѣмецкихъ книгъ. На почетномъ мѣстѣ стоялъ портретъ очень почтеннаго господина въ очкахъ, который строго смотрѣлъ на зрителей. — «Когда же васъ застать?» — написалъ онъ, и черезъ день получилъ отвѣтъ: «Жду въ воскресенье вечеромъ непременно».

Онъ думалъ, что у нея никого не будетъ, но у нея было трое гостей кромѣ него. Одинъ изъ нихъ оказался человекомъ въ очкахъ, сидѣвшимъ въ плюшевой рамкѣ и при томъ носившимъ громкую фамилію медицинской знаменитости. Другіе гости тоже были профессора, и не обратили никакого вниманія на товарища прокурора. Они говорили о своихъ дѣлахъ, о какой-то княгинѣ Борятниковой, которая должна заплатить семь тысячъ за операцию, о томъ, какъ профессоръ Фрейманъ не получилъ практику при дворѣ, о которой мечталъ, о томъ, какъ профессоръ Шюцъ не такъ сдѣлалъ проколъ, и потому пациентъ умеръ, и что Шюцъ вообще мясникъ, и ему пора давно въ гробъ. Все это было совсѣмъ не интересно для Анатолия. Саша, желая его занять, показала ему альбомъ, гдѣ было помѣщено полсотни акушеровъ. Это тоже было не весело, и потому другъ дѣтства, выпивъ стаканъ сладкаго и жидкаго чая, въ десять часовъ уѣхалъ домой съ головою болью.

Вскорѣ ему довелось встрѣтиться съ Наташей. Ея отецъ былъ уже нездоровъ, но не на столько, чтобы можно было опасаться за скорый исходъ. Черезъ два мѣсяца послѣ знакомства онъ уже сдѣлалъ предложеніе, посоветовавшись предварительно съ тетками. Тетки рѣшили, что это бракъ возможный.

— Только, конечно, посмотрѣть мы ее должны, — сказала старшая.

— Да, пусть сюда пріѣдетъ, — подтвердила Вероника.

Но Анатолий взялъ рядомъ двѣ ложи въ оперу и свелъ ихъ въ театрѣ. Дѣвушка теткамъ понравилась. Рѣшено было вѣнчаться въ августѣ. Но весной отцу стало плохо. Доктора послали его на югъ. Анатолий взялъ отпускъ по настоянію тетокъ.

— За глазами невѣсту никакъ нельзя оставлять, — говорили онѣ. — Мало ли что случится можетъ. Подвернется какой фертиксъ, и пиши пропало. Непремѣнно лично надо имѣть наблюденіе.

Но Анатолий больше ѣхалъ, чтобъ выяснитъ вопросъ о приданомъ. Теперь, круто повернувъ въ другую сторону и, рѣшившись жениться на Петропопуло, онъ былъ озабоченъ вопросомъ: что оставила ему тетка, такъ какъ содержаніе ея духовной извѣстно ему не было. Это и было главной причиной его поспѣшнаго бѣгства съ Мраморнаго моря. Онъ зналъ, что покойная тетка его больше любила, чѣмъ оставшаяся въ живыхъ, и всю дорогу думалъ о томъ, какъ сказать ей, что у него другая невѣста.

Онъ былъ увѣренъ въ Ленѣ. Ему казалось, что эта чернобровая, маленькая дѣвушка способна на сильную, искреннюю любовь. Онъ, сидя въ вагонѣ, вспоминалъ ея лицо и находилъ, что она совсѣмъ недурна, что если ее одѣтъ въ національный греческій костюмъ, то даже ея носъ горбинкой и толстыя брови будутъ въ стилѣ. По французски она говорила хорошо, а что глупа она — такъ это, можетъ-быть, даже лучше. Одно нехорошо: по отцу она была Евстратьевна. Вѣдь никто не знаетъ, что отецъ миллионеръ, подумаютъ еще, что она изъ какихъ-нибудь московскихъ купчихъ. Но и это дѣло можно было поправить, стоило ее назвать Константиновной, — и дѣло съ концомъ.

О Наташѣ онъ какъ-то не думалъ. И не то что бы онъ ощущалъ какое-нибудь угрызеніе совѣсти по отношенію ея, — нѣтъ. Но онъ въ душѣ силился себя увѣрить, что онъ и для себя, и для нея, и для старика сдѣлалъ хорошо, отказавшись отъ брака. Теперь она можетъ всецѣло отдаться заботамъ объ отцѣ, исполнить долгъ дочери. Замужество отвлекло бы ее отъ священной задачи. Онъ такъ и хотѣлъ объяснить свой отказъ теткѣ. Но то, какъ она встрѣтила это извѣстіе, было для него полною неожиданностью.

V.

Когда онъ съ вокзала пріѣхалъ домой, его сразу поразило какое-то заустѣніе. Точно не одна тетка Варвара Павловна умерла, а вымеръ весь домъ. Ворота были отворены. Цѣпная старая собака сидѣла у будки, смотрѣла на него, но не лаяла. Окна были закрыты. Даже садъ не шелестилъ своей листвою, и деревья стояли неподвижныя, словно написанныя на декорации. Въ гостиной всѣ картины были завѣшены. Лакей сказалъ, что тетущка у себя. Тетущка сидѣла въ зеленыхъ креслахъ, съ которыми давно, съ перваго дѣтства былъ знакомъ Анатолий и которыя онъ ненавидѣлъ не менѣе тетокъ за ихъ неизмѣнчивое постоянство. Тетка при его входѣ встала, и пока онъ, напуская на себя скорбь, цѣловалъ ея морщинистыя сухія ручки, она поцѣловала его въ високъ и въ подбородокъ. Но ему показалось, что въ этомъ поцѣлѣ нѣтъ той теплоты, даже горячности, чѣмъ онъ ожидалъ встрѣтить. Глаза Вероники были совершенно сухи и смотрѣли на племянника жестко, — да и все лицо выражала какъ всегда кислоту.

— Ну, садись, — сказала она, опускаясь въ свое кресло. — Признаться сказать, я не знаю, зачѣмъ ты пріѣхалъ?

— Какъ зачѣмъ? Я счелъ своимъ долгомъ, узнавъ о случившемся, помочь вамъ.

— Помдѣ! Если бъ ты жилъ подлѣ Крымскаго брода или на Воробьевыхъ горахъ, — ты могъ мнѣ помочь. А разъ

ты былъ въ Турціи, и ѣзды оттуда пять дней, такъ какъ же отъ тебя помощь? Мнѣ помогла Саша—спасибо ей. Она и ухаживала за Варей послѣдніе дни и распоряжаться мнѣ потомъ помогла,—хорошая, благодарная дѣвушка.

И Вероника, желая показать, какая она хорошая, изобразила на своемъ лицѣ впечатлѣніе вкуса отъ несвѣжей устрицы.

— Ну, и Окоёмовъ мнѣ помогъ, Венедиктъ Акинфьевичъ,—тотъ конечно, по родственному все сумѣлъ привести въ полный порядокъ, даже жандармовъ прислалъ къ выносу.

Окоёмовъ былъ двоюродный братъ сестеръ, старый генералъ, съ сѣдыми усищами и въ черномъ парикѣ. Онъ всегда обѣдалъ у нихъ по воскресеньямъ, и говорилъ такимъ басомъ, точно игралъ органъ въ костелѣ.

— А тебѣ не слѣдовало сюда ѣхать,—продолжала Вероника, сдвигая брови и смотря куда-то въ сторону, словно не желая встрѣчаться со взглядомъ племянника.—Какъ ты могъ бросить невѣсту и тестя, когда зналъ, что онъ на ладанъ дышетъ?

— Я считалъ, что мой долгъ—быть возлѣ васъ,—повторилъ онъ.

Она еще болѣе сморщилась.

— Прежде чѣмъ что-нибудь считать, надо было подумать,—наставительно сказала она.

— Я не гимназистъ, тетя,—обиженнымъ голосомъ сказалъ онъ:—я могу логически мыслить. Мнѣ подсказала моя совѣсть, что я долженъ быть здѣсь,—и я поѣхалъ.

Она зорко посмотрѣла на него.

— У васъ ничего не вышло съ Наташей? —спросила она.

Анатолій дрогнулъ.

— Вы получили отъ нея извѣстіе?

— Получила. Телеграмму.

Онъ опустилъ глаза.

— Я убѣдился, что не люблю ея,—проговорилъ онъ, чувствуя, что противъ воли краска приливаетъ къ щекамъ.

Тетка даже выронила свой платокъ.

— Что? Повтори, что ты сказалъ?

— Я убѣдился, что не люблю ея, что люблю другую,—строго сказалъ онъ, какъ бы призывая тетку къ порядку и считая неумѣстнымъ ея волненія.

— Какъ не любишь? И ты это сказалъ ей въ лицо? У тебя повернулся языкъ?

— Тетя, будемте говорить хладнокровно. Я отлично понимаю, что честно и безчестно, что законно и незаконно. Повѣрьте, я никогда не подведу себя подъ законную отвѣтственность.

— Да что мнѣ твоя законная отвѣтственность! —воскликнула тетка.—Да неужто ты не понимаешь, что есть отвѣтственность во сто разъ большая, чѣмъ отвѣтственность предъ твоими писаными законами. Нравственная то отвѣтственность, я думаю, будетъ побольше.

— Я нравственно считаю себя правымъ,—сказалъ онъ.

— Ты считаешь себя въ правѣ убивать человѣка?

— Тетя, такая обостренные рѣчи ни къ чему доброму не приведутъ.

— Ты мнѣ отвѣтъ на вопросъ объ убійствѣ.

— Я никого не убивалъ.

— А Александра Дмитріевича?

Онъ поблѣднѣлъ.

— Какъ, развѣ...—началъ онъ.

Вероника подала ему телеграмму. Она была отъ Натальи.

«Передайте Анатолію Павловичу,—прочелъ онъ:—отецъ умеръ черезъ два часа послѣ его отъѣзда. Прощайте».

Онъ вынулъ платокъ и провелъ имъ по лбу. Онъ почувствовалъ, какъ его руки холодѣютъ, какъ странно прыгаетъ передъ нимъ теткинъ чепецъ и какъ волнуется вся комната.

— Ты мнѣ долженъ тутъ объяснить двѣ вещи,—продолжала она.—Зачѣмъ вмѣсто «Анатолію», сказано «Анатолію Павловичу», и затѣмъ, что значить это «прощайте» въ концѣ. —Значить ты ей сказалъ прямо: «я васъ не люблю; я за вами ухаживалъ, но вы мнѣ надоели; я васъ бросаю какъ перчатку». Такъ или нѣтъ?

Анатолій никогда не думалъ, чтобъ тетка могла проявить столько силы и самостоятельности въ рѣчахъ. Ея рѣчь ему такъ напоминала то, что шесть дней тому назадъ ему говорилъ на Принцевыхъ островахъ Александръ Дмитріевичъ.

— Я ей не сказалъ ни слова,—возразилъ Анатолій.—Я говорилъ съ ея отцомъ.

— И что же онъ отвѣтилъ тебѣ?

— Онъ сказалъ, что предоставляет мнѣ дѣйствовать по моему усмотрѣнію.

— И ты спокойно повернулся, сложилъ свой чемоданчикъ и покатишь сюда съ легкимъ сердцемъ? Ты оставилъ любимую дѣвушку съ мертвымъ отцомъ?

Анатолій пожалъ плечами.

— Почему же я зналъ, что онъ умретъ? Конечно, еслибъ я зналъ, что это такъ будетъ...

— Ты подождалъ бы его смерти и потомъ, не говоря ни слова, бросилъ бы дѣвушку?

— Позвольте, тетя,—вы не сердитесь. Я долженъ вамъ объяснить все по порядку.

(Продолженіе будетъ.)

Въ дорогѣ.

I.

Вѣтеръ въ вагонъ залеталъ легкой волною своей;

Вѣтеръ въ окно доносилъ всѣ ароматы полей,—

Въ ясномъ сіяніи дня

Онъ собиралъ для меня

Звуки шумливыхъ лѣсовъ, краски безмолвныхъ степей.

*

Ширились думы мои; прочь отъ страданій земли

Рвались онѣ,—словно крылья у трепетныхъ думъ

отросли;

Сердце хотѣло расцвѣсть,

Въ душу стучалась вѣсть—

Близкая вѣсть обо всемъ, что такъ долго таилось вдали...

*

Яркая смѣна картинъ... Куполъ бездонныхъ небесъ...

Царство природы живой, полное вѣщихъ чудесъ,

Полное тайнъ вѣковыхъ,

Духу народа родныхъ...

Здравствуй, приволье степей! Здравствуй, таинственный лѣсъ!..

II.

Свѣтлѣетъ тихая поляна

Среди потѣмныхъ стѣнъ лѣсныхъ,

Какъ въ безднѣ моря-океана

Цвѣтушій островъ странъ чужихъ.

Пестрѣя розсыпью цвѣточной,

Волнами зыблется трава;

По ней, въ далѣкій путь заочный,

Бѣжитъ зловѣщая молва—

Молва о томъ, что въ тишь лѣсную

Шумъ блѣдной жизни городской

Несетъ тревогу роковую

Съ ея недремлющей тоской.

Нежданной вѣсти отголоскамъ

Русалки внемлютъ изъ кустовъ,—

Конца нѣтъ шорохамъ и всплескамъ,

Въ сѣни зеленыхъ теремовъ...

III.

Раздолье степи неоглядной,

Лѣсистыхъ пажитей просторъ!

Картины ваши ловить жадно
Отъ нихъ совсѣмъ отвыкшии взоръ...
О, Боже мой! Еще давно-ли
Я былъ прикованъ безъ цѣпей
Ярмомъ томительной неволи
Къ тюрьмѣ безвыходной своей?!.
Какъ я рвался къ широкимъ нивамъ,
Къ степямъ привольнымъ и къ лѣсамъ!.

И вотъ—въ спокойствіи счастливомъ
Я приобщился ихъ красамъ...
Пусть мимолетно это счастье;
Пусть мимоходомъ я въ раю
Своей мечты; пусть мракъ ненастья
Опять темнитъ судьбу мою,—
Но въ этотъ мигъ одну лишь власть я
Родной природы признаю!.

Аполлонъ Коринфскій.

Полезенъ ли озонъ?

Очеркъ В. Штоса.

Въ вихваливаніяхъ преимуществъ климатическихъ курортовъ, горныхъ или приморскихъ, съ недавнихъ поръ неизмѣнно фигурируетъ слово «озонъ». Между тѣмъ, буди воздухъ этихъ курортовъ дѣйствительно такъ «богатъ озономъ», какъ о немъ твердятъ рекламы, пріѣзжимъ больнымъ приходилось бы испытывать на себѣ прямо-таки пагубное его дѣйствіе, такъ какъ достаточно полупроцента озона въ кислородѣ воздуха, чтобы убить человека, который имъ дышитъ. Какія-нибудь двѣ-три миллионныя частицы озона въ атмосферѣ своимъ неприятнымъ запахомъ скоро разогнали бы изъ курорта пріѣзжихъ. Впрочемъ, чтобы правильно судить о прославленномъ цѣлебномъ дѣйствіи озона предположемъ нѣсколько словъ о происхожденіи и сущности этого вещества.

Уже въ древности было извѣстно, что ударъ молніи обыкновенно сопровождается своеобразнымъ запахомъ сырости. Это явленіе неоднократно упоминается Гомеромъ, Виргиліемъ, Сенекой, Лукреціемъ и другими. Подобно Гомеру, и Шекспиръ много разъ пользовался имъ для поэтическихъ описаній въ «Цимбелинѣ», «Королѣ Лирѣ», «Бурѣ» и другихъ своихъ гениальныхъ произведеніяхъ. Первый, кто нашелъ известную связь между этимъ запахомъ и электрическими явленіями, былъ Франклинъ; онъ (въ 1749 г.) опредѣлилъ, что замѣчающійся при грозовыхъ ударахъ или во время дѣйствія электрической машины, запахъ есть слѣдствіе производимаго электричествомъ въ воздухѣ разложенія. Фактически же дознана была причина этого запаха лишь въ 1840 г. базельскимъ профессоромъ Шенбейномъ. «Дважды въ моей жизни, — рассказываетъ онъ: — я самъ имѣлъ случай замѣтить странный запахъ, развивающійся въ слѣдствіе грозовыхъ ударовъ. Однажды, двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, я находился во время грозы всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви моего родного городка (Медингенъ въ Бюртембергѣ), какъ вдругъ въ колокольную ударила молнія. Такъ какъ церковная дверь случайно не была закрыта, то я съ нѣсколькими лицами, непосредственно послѣ удара, вошелъ въ зданіе и сейчасъ же при самомъ входѣ замѣтилъ довольно сильный и неприятный запахъ, который я тогда же нашелъ похожимъ на запахъ сыры. Въ то же время все церковное зданіе было наполнено синевавшимъ дымомъ... Прошлымъ лѣтомъ молнія ударила въ маленькую часовню на здѣшнемъ рейнскомъ мосту. Часовъ шесть спусти я и вернулся къ себѣ домой, а жилъ я шагахъ въ пятидесяти отъ часовни. Прислуга рассказала мнѣ, что сейчасъ же, вслѣдъ за ударомъ молніи въ часовню, весь домъ наполнился густымъ и ѣдкимъ дымомъ, который былъ замѣтенъ нѣсколько часовъ. Въ комнатахъ, гдѣ двери часто открывались, я уже не могъ замѣтить никакого запаха; зато въ гостиной, куда въ этотъ день передо мной еще никто не входилъ, я совершенно ясно ощутилъ запахъ сыры». Затѣмъ Шенбейнъ объясняетъ, что освобождаемое молніей «пахучее начало» тождественно съ веществомъ, которое освобождается электричествомъ нашихъ обыкновенныхъ машинъ, а также при электрическомъ разложеніи воды. Молнія въ большихъ размѣрахъ то же, что въ маломъ видѣ изливающаяся изъ металлическаго острія электричество. Когда молнія пронизываетъ атмосферу, въ этой послѣдней происходитъ разложеніе, подобно тому процессу, которому подвергается воздухъ при посредствѣ электрической машины. Отсюда развиваемый ударомъ молніи сильный запахъ. Шенбейнъ называетъ «пахучее начало» озономъ отъ соответствующаго греческаго глагола: «пахнуть». Вначалѣ профессоръ полагалъ, что озонъ содержится и въ водѣ такъ же, какъ въ воздухѣ, что это элементъ, подобный хлору. Позже онъ принималъ его за составную часть азота, потомъ—за особое соединеніе водорода и кислорода, но въ концѣ концовъ пришелъ къ убѣжденію, что причина запаха объясняется особымъ состояніемъ кислорода, который въ изобиліи заключается какъ въ водѣ, такъ въ воздухѣ. Теперь мы знаемъ, что послѣднее предположеніе было справедливо. Озонъ—сгущенный кислородъ. Если три части кислорода сгустить въ двѣ, получится озонъ. Въ особыхъ аппаратахъ озонъ добывается теперь большими количествами для промышленныхъ цѣлей. Но такъ какъ примѣненіе озона все еще очень незначительно, а прибыль отъ него не превышаетъ трехъ процентовъ на затраченную на его добычу энергію, то цѣна озона еще очень высока. При всемъ томъ, огромная способность озона окислять въ будущемъ несомнѣнно расширитъ рамки его эксплуатаціи. Въ Курвюва съ прошлаго года пользуются дѣйствіемъ озона на гвоздичную кислоту и сафролъ для приготовления духовъ *ванилинъ* и *геліотропъ*. Далѣе, озонъ превосходно выбѣливаетъ и обновляетъ старые гравюры и книги. Опыты бѣленія сахара, декстрина, крахмала, воска и тканей дали также многообещающіе результаты. Совсѣмъ

ново примѣненіе озона для искусственнаго придаванія вещамъ стариннаго вида. Молодыя вина, путемъ обработки ихъ озономъ, получаютъ ароматъ старыхъ. Молодое дерево приобретаетъ свойства стараго, высушеннаго. Кофе и табакъ удваиваютъ свой ароматъ.

Но каково-же терапевтическое значеніе озона? Дѣйствительно ли онъ та панацея отъ всѣхъ недуговъ, какимъ его изображаютъ? Прежде всего нельзя умолчать о томъ, что искусственно добываемый озонъ оказался превосходнымъ дезинфекціоннымъ средствомъ, въ слѣдствіе своей огромной способности окислять. Опыты съ водой изъ Сены показали, что озонъ уничтожаетъ всѣ находящіеся въ водѣ вещества, не исключая и тѣхъ, которые не представляютъ вреда для человѣческаго организма. Зато надежды, возлагавшіяся на очищеніе воздуха посредствомъ озона отъ миазмовъ, до сихъ поръ не оправдались: присутствіе озона, напримѣръ, въ комнатномъ воздухѣ въ томъ количествѣ, какое нужно для уничтоженія миазмовъ, для нашихъ дыхательныхъ органовъ вредитъ самимъ миазмовъ. Даже очень незначительныя количества озона раздражаютъ слизистыя оболочки дыхательныхъ органовъ и причиняютъ катаральныя воспаленія. Озонъ примѣняли къ лѣченію чахотки, золотухи и сахарной болѣзни. Нѣкоторые желаютъ пользоваться наркотическимъ дѣйствіемъ озона противъ нервныхъ страданій и астмы, другіе—противъ дифтерита. Озонъ превращается въ жидкость—темносинюю, цвѣта индиго—подъ атмосфернымъ давленіемъ, при 119° С; «озоновая вода», подъ названіемъ «антибактериконъ», уже десять лѣтъ тому назадъ рекомендовалась, какъ средство, уничтожающее бактеріи. Всѣ эти опыты примѣненія озона давали или отрицательные, или сомнительные результаты. Несомнѣнную пользу озонъ приноситъ, повидимому, только при лѣченіи коклюша. Вдыханіе газа производится на открытомъ воздухѣ, при помощи аппарата, выпускающаго 1/10 миллиграмма озона на литръ воздуха. Больные вдыхаютъ озонированный воздухъ на разстояніи 4—5 сантиметровъ отъ отверстія аппарата. Сеансъ дается около 1/4 часа и повторяется три-четыре раза въ день. У всѣхъ дѣтей, подвергаемыхъ этого рода лѣченію, припадки кашля обыкновенно ослабѣваютъ и становятся короче.

Болѣе всего распространено мнѣніе, что озонъ, приготовляемый самой природой, представляетъ превосходное цѣлебное средство. Онъ образуется въ воздухѣ путемъ атмосфернаго электричества, путемъ медленнаго окисленія на земной поверхности и, наконецъ, путемъ испаренія воды. Для опредѣленія содержанія озона въ атмосферѣ служитъ изобрѣтенный Шенбейномъ озонометръ. Если пропускную бумагу, пропитанную смѣсью йодистаго кали и крахмала, подвергнуть дѣйствію озона, то бумага окрашивается въ синева-фіолетовый цвѣтъ, въ слѣдствіе разложенія йодистаго кали. Бумага такъ чувствительна, что выдаетъ присутствіе малѣйшаго количества озона въ воздухѣ. Тотъ фактъ, что въ образованіи атмосфернаго озона принимаетъ участіе и растительность, констатировать слѣдующими опытами. Два озонометра были помѣщены въ 200 метрахъ одинъ отъ другого на двухъ смежныхъ, раздѣленныхъ межею, поляхъ, изъ которыхъ одно было только вспахано, но не засеяно, а другое поросло кормовыми травами. Изъ цѣлаго ряда наблюденій выяснилось, что содержаніе озона въ воздухѣ надъ полемъ съ травами было значительно больше, чѣмъ надъ полемъ безъ растительности. Другой опытъ съ озонометрами, помѣщенными всего въ двухъ метрахъ одинъ отъ другого, на голой землѣ и на грядкѣ редиса, далъ тотъ же результатъ. Аппараты въ курятникѣ, въ которомъ находились разлагающіяся органическія вещества, обнаруживали меньше озона, чѣмъ аппараты въ сосѣднемъ съ курятникомъ саду. Въ окрестностяхъ Парижа, даже самыхъ ближайшихъ, въ воздухѣ всегда оказывался озонъ; въ самомъ Парижѣ никогда. Вообще въ большихъ городахъ воздухъ совершенно лишенъ озона; этотъ газъ весь уходитъ на окисленіе находящихся въ воздухѣ органическихъ веществъ. По той же причинѣ на фабрикахъ и въ другихъ помѣщеніяхъ, гдѣ скопляется много людей, въ воздухѣ нѣтъ и слѣда озона. Этимъ и объясняется, почему цѣлебное дѣйствіе воздуха многихъ горныхъ и морскихъ курортовъ обыкновенно приписываютъ большому содержанію въ воздухѣ озона. На самомъ дѣлѣ полезенъ для слабыхъ организмовъ не озонъ, но отсутствіе въ воздухѣ вредныхъ миазмовъ и болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ, симптомомъ чего только и служитъ наличность озона. Итакъ, озонъ вреденъ какъ человѣческому, такъ животному организму; выносимъ онъ только въ крошечныхъ, миллионныхъ доляхъ. Не самъ озонъ цѣлѣбенъ или благотѣленъ для человѣка, но его присутствіе въ воздухѣ служитъ ручательствомъ, что воздухъ свободенъ отъ миазмовъ и вредныхъ микроорганизмовъ, а потому здоровъ.

Къ рисункамъ.

Историческая рѣка Днѣпръ, въ степномъ своемъ теченіи, вѣдъ пороги, представляетъ величественное зрѣлище весной, во время половодья; на огромныя пространства разливается онъ, затопляя собою степи, и въ его зеркальной поверхности привѣтливо отражается ласковое, голубое небо Украины. Народъ очень любитъ свой Днѣпръ, не мало выдавший видовъ въ былыя времена, и сложилъ о немъ не мало пѣсень.

Нема Сичи, пропасть и той,
Хто всимъ верховодивъ!
Нема Сичи; очереты
У Днипра пытаются:
«Де-то наши диты дились?
Де вони гуляють?»

Шумъ битвъ давно затихъ на берегахъ Днѣпра, и свѣтлыя воды его далеко унесли въ море кровь, пролитую здѣсь запорожцами. Въ утломъ челнѣ возвращаются съ полевыхъ работъ потомки запорожской сѣчи, и теперь все дышетъ покоемъ на Днѣпрѣ. Картина художника Н. К. Пимоненко изображаетъ намъ такой жанрикъ современной жизни на Днѣпрѣ, полный чарующаго настроенія.

Майкопскій отдѣлъ, Кубанской области, въ южной своей части, чрезвычайно гористъ, прорѣзанъ глубокими долинами и узкими ущельями, по дну которыхъ, съ грохотомъ и шумомъ, несутся быстрыя горныя рѣчки, перескакивая съ камня на камень. По мѣрѣ приближенія къ главному кавказскому хребту, горы становятся выше и выше, а ущелья — глубже и глубже, превращаясь, въ концѣ концовъ, въ настоящія пропасти. Изъ Кубанской области идутъ черезъ хребты нѣсколько переваловъ, соединяющихъ нѣсколько его округовъ; наиболѣе извѣстный изъ этихъ переваловъ — Бѣлорѣченскій, выходящій въ Черноморскій округъ и Сухумскій отдѣлъ. Рѣка Бѣлая — очень быстрая и длинная по протяженію горная рѣка, со множествомъ притоковъ; часто исчезаетъ она изъ глазъ путешественника, точно зарываясь въ землю, и течетъ среди глубокихъ и узкихъ ущелий. Въ одномъ мѣстѣ — наиболѣе узкомъ — перекинутъ каменный мостъ на головокружительной высотѣ. Видъ здѣсь великолѣпенъ и грандіозенъ: на ярко-синемъ небѣ вырисовываются снѣговыя вершины главнаго хребта; долины затканы голубой, иногда фіолетовой дымкой; тамъ и сямъ разбросаны аулы, съ ихъ немногочисленными саклями, крытыми плоскими крышами. У входа на мостъ — дорожная будка, красиво рисующаяся, на голубомъ фонѣ горъ, бѣлымъ, яркимъ пятномъ. На днѣ горной расщелины бурлитъ, точно взятая въ плѣнъ каменными великанами, рѣка Бѣлая. Жутко загляднута въ эту бездонную пропасть! Картина эта достойна кисти художника, и не даромъ такой поэтъ Кавказа, какъ художникъ Л. Ф. Лагорио, заинтересовался ею и изобразилъ ее въ своемъ произведеніи «Каменный мостъ на рѣкѣ Бѣлой, въ Дахскомъ ущельи». Картина эта была на выставкѣ «С.-Петербургскаго общества художниковъ» и производила сильное впечатлѣніе на посѣтителей.

Художникъ Н. К. Пимоненко — поэтъ идиллическихъ настроеній; мы только что познакомили нашего читателя съ его картиной этого рода — «На Днѣпрѣ»; а вотъ и другая его картина — **Въ саду**. Особенностью этого талантливаго художника является то, что настроеніе изображенныхъ имъ лицъ всегда тѣсно сливается съ настроеніемъ пейзажа; какими путями достигаетъ онъ этого — трудно сказать: это тайна его творчества; но прелестный садъ, уголокъ, котораго виденъ на картинѣ, съ его мраморной рѣшеткой, цвѣтами, кустами, клочкомъ голубого неба и развѣсистой темной зеленой каштана, съ его причудливой вырѣзанной листвою, какъ бы требуетъ присутствія этой красивой фигурки молодой дѣвушки, въ ясное весеннее утро вышедшей на прогулку. Она переживаетъ весну

человѣческой жизни — такую же свѣтлую и радостную, въ какой выдержанъ весь пейзажъ, служащій для нея самой подходящей рамкой. Картина написана вся въ свѣтлыхъ тонахъ, вся дышетъ солнцемъ и наполнена воздухомъ.

Вдовствующая германская императрица Викторія.

(Портретъ на этой стр.).

23-го іюля, въ 6 ч. 15 м. вечера, скончалась въ Фридрихсгофскомъ лѣтнемъ дворцѣ, около Франкфурта, вдовствующая Германская Императрица Викторія.

Покійная императрица — старшая дочь не такъ давно скончавшейся англійской королевы Викторіи и ея супруга принца Альберта — родилась въ Букингемскомъ дворцѣ, 9-го ноября 1840 г. Въ 1851 году, принцесса Викторія впервые увидѣла, при открытіи лондонской всемірной выставки, своего будущаго супруга, прусскаго принца Фридриха Вильгельма, но помолвка ихъ совершилась, конечно, гораздо позднѣе, а именно въ 1857 г. Въ январѣ слѣ-

дующаго года, состоялось бракосочетаніе принцессы Викторіи съ принцемъ Фридрихомъ, въ лондонской Сентъ-Джемской церкви. Молодая чета немедленно отправилась въ Потсдамъ, гдѣ была сочувственно встрѣчена населеніемъ. Вскорѣ послѣ этого, состоялся торжественный вѣздъ новобрачныхъ въ Берлинъ; юная принцесса не ожидала того приѣма, который ей устроили берлинцы и, радостно описывая этотъ приемъ своимъ родителямъ, прибавила въ письмѣ: «я была встрѣчена въ моемъ новомъ отечествѣ въ высшей степени любовно и сердечно». Съ этихъ поръ принцесса Викторія жила въ полномъ супружескомъ счастіи, омрачившимся лишь, въ концѣ восьмидесятихъ годовъ, тяжелою болѣзнію ея супруга, а потомъ и его смертію, послѣ четырехмѣсячнаго царствованія. Глубоко потрясенная этой потерей, вдовствующая императрица дожила долгіе годы своей жизни, вспоминая о минувшемъ счастіи и о той духовной связи, которая всегда существовала между ея супругомъ и ею.

Кронпринцъ Фридрихъ-Вильгельмъ покрылъ свое имя военной славой. Но глубоко-миролюбивый характеръ и въ высшей степени доброе и благородное сердце принца влекли его къ мирной, гражданской дѣятельности и къ горячо любимымъ имъ искусствамъ и наукамъ. Сдѣлавшись, послѣ кончины Вильгельма I, императоромъ, Фридрихъ III, всецѣло находился уже во власти странной болѣзни, горячо принялся за работу. Ревностной и вѣрной помощницей ему въ эти тяжелые дни, такъ и раньше, была императрица Викторія: она была его преданнымъ другомъ и совѣтникомъ. Она поддерживала своего славнаго супруга, ободрила его, утѣшала и съ безпредѣльной самоотверженностью ухаживала за нимъ, видимо уже погибавшимъ отъ тяжелой болѣзни...

Блестяще образованная, постоянно вращавшаяся въ средѣ ученыхъ, писателей и художниковъ, съ гибкимъ, свѣтлымъ умомъ и самостоятельностью сужденій, императрица Викторія, понятно, очень серьезно относилась къ воспитанію какъ своихъ сыновей, нынѣшняго императора Вильгельма II и принца Генриха Прусскаго, такъ и своихъ дочерей. Императрица-мать вела простую жизнь и приучала къ ней своихъ дѣтей; жила лѣтомъ въ Бабельсбергѣ, съ дѣтьми, она приучала ихъ интересоваться жизнью крестьянъ, входила въ ихъ нужды, сближалась съ ними, понимать ихъ интересы. Императрица Викторія славилась своей благотворительной дѣятельностью, которая и была, конечно, результатомъ ея близкаго знакомства съ народными нуждами, а также и потребностью ея добраго, мягкаго сердца. Два самыхъ извѣстныхъ въ Германіи благотворительныхъ учрежденій носятъ ея имя: Victoria Stift — заведеніе для 700 дѣвушекъ, нуждающихся въ заработкѣ и Victoria-Spital, въ Гамбургѣ. Это — больница, организованная покойной, еще въ 1870 г., для больныхъ и раненыхъ воиновъ.

Вдовствующая германская императрица Викторія († 23-го іюля 1901 г.).
По фот. авт. «Нивы».

Жизнь покойной германской императрицы была полна горячей любви къ своему новому отечеству, полна трудовъ, и участія къ подданнымъ. И ея сердце билось любовью къ людямъ, пока физическія страданія послѣднихъ лѣтъ не остановили, наконецъ, этого бѣнія.

Пріѣздъ мароккискаго посольства въ Петербургъ.

(Рис. на этой стр.).

20-го іюля н. г., по варшавской желѣзной дорогѣ, прибыло въ Петербургъ, для представленія Государю Императору, чрезвычайное посольство мароккискаго султана Абдуль-эль-Азиса. Въ составъ посольства вошли наиболѣе почетные въ странѣ сановники: въ качествѣ чрезвычайнаго посла явился къ намъ мароккискій министръ иностранныхъ дѣлъ Абдель-Керимъ-бень-Слиманъ; при немъ состоятъ довольно многочисленная свита, тѣлохранители, переводчикъ Каабы и казначей Бень-Шефумъ. Мароккисцы, судя по прибывшимъ гостямъ, красивый народъ, съ темнымъ цвѣтомъ кожи и выразительными глазами; костюмъ ихъ живописенъ и наряденъ—онъ состоитъ изъ длиннаго бѣлаго плаща, тюрбана съ цвѣтнымъ верхомъ и цвѣтныхъ туфель восточнаго покроя.

Султанатъ Марокко, расположенный въ сѣверо-западной части Африки, имѣетъ около 8 милліоновъ населенія. Нынѣшній султанъ родился въ 1878 г., вступилъ на престолъ, послѣ смерти своего отца Мулай-Гассана, въ 1894 г. и имѣетъ сына принца Гассана, родившагося въ 1899 г.

Нынѣшнее посольство султана Абдуль-эль-Азиса, прежде чѣмъ явиться въ Петербургъ, побывало во Франціи, гдѣ было съ большимъ торжествомъ принято президентомъ республики. Весьма понятно, что султанъ захотѣлъ выразить уваженіе и къ союзницѣ Франціи — Россіи. Проѣздомъ черезъ Берлинъ, посольство останавливалось и въ столицѣ германской имперіи. Ко времени прибытія посольства къ Варшавскому вокзалу присланы были экипажи отъ Высочайшаго двора.

23-го іюля мароккиская миссія выѣзжала въ Новый Петергофъ. Съ вокзала члены миссіи проѣзжали въ Большой Петергофскій дворецъ. При входѣ во дворецъ члены миссіи были встрѣчены начальникомъ петергофскаго дворцоваго управленія и его помощникомъ. Вскорѣ во дворецъ прибылъ Его Величество Государь Императоръ. Въ половинѣ третьяго часа дня посолъ Си-Абделькримъ былъ принятъ Государемъ Императоромъ, причемъ имѣлъ честь вручить Его Величеству письмо султана мароккискаго. Послѣ аудіенціи, Его Величество изволилъ выйти въ залъ, гдѣ собрались прочія лица миссіи. Здѣсь же находились привезенные ими дары Султана. Нѣкоторое время спустя, Государь Императоръ отбылъ изъ Петергофскаго Большаго дворца. Членамъ миссіи въ Бѣлой гостиной было предложено угощеніе, послѣ чего они въ тѣхъ же экипажахъ возвратились на вокзалъ, а оттуда съ поѣздомъ въ С.-Петербургъ.

М. Н. Островскій.

(Портр. на стр. 523).

25-го іюля н. г. скончался членъ государственнаго совѣта, Михаилъ Николаевичъ Островскій, братъ нашего знаменитаго драматурга.

М. Н. родился 30-го марта 1827 г. Образование онъ получилъ въ московскомъ университетѣ, который окончилъ въ 1848 г. Начавъ свою службу въ провинціи, онъ былъ назначенъ въ 1871 г. товарищемъ государственнаго контролера, а затѣмъ сенаторомъ для присутствованія въ общемъ собраніи сената. Въ слѣдующихъ годахъ, онъ былъ командированъ для производства ревизій контрольных палатъ въ западномъ краѣ и получилъ званіе статсъ-секретаря. Назначеніе М. Н. членомъ

государственнаго совѣта состоялось въ 1878 г., а въ 1879 г. — назначеніе его почетнымъ опекуномъ. Всѣ эти назначенія были, въ сущности, только подготовкой для дальнѣйшей его служебной карьеры, такъ сказать, школой, которую необходимо было пройти для занятія выдающагося и отвѣстнаго служебнаго поста. Такимъ постомъ явилось для М. Н., въ 1881 г., министерство

государственныхъ имуществъ. Обладая организаторскими способностями и не жалѣя труда, покойный М. Н. работалъ на этомъ отвѣстномъ посту въ теченіе двѣнадцати лѣтъ и обнаружилъ блестящія государственныя способности. Его дѣятельности Россія обязана закономъ объ охраненіи лѣсовъ, чрезвычайно важнымъ и даже насущнымъ для ея экономической жизни; при немъ проведены и законы объ охотѣ, объ уничтоженіи крѣпостнаго права калмыковъ и о еврейскихъ колоніяхъ. Его же просвѣщенной дѣятельности обязаны своимъ процвѣтаніемъ кавказскія минеральныя воды. Конечно, эти воды требуютъ и дальнѣйшаго вниманія и заботливости правительства, потому что далеко не все еще организовано на этой замѣчательной группѣ цѣлебныхъ источниковъ, но инициатива серьезнаго правительственнаго взгляда на нихъ и первыя мѣры по принятію ихъ изъ аренднаго содержанія въ непосредственное вѣдѣніе казны, принадлежатъ покойному министру. Будучи обремененъ самими разнообразными дѣлами, входящими въ кругъ вѣдѣнія министерства государственныхъ имуществъ, М. Н. занялся подготовительными работами по преобразованію самого министерства, дѣятельность котораго предполагалось расширить, переименовавъ его въ министерство «земледѣлія и государственныхъ имуществъ». Это состоялось уже послѣ того, какъ М. Н. оставилъ постъ министра, будучи назначенъ предсѣдателемъ департамента законовъ государственнаго совѣта.

М. Н. отличался благодушнымъ, ровнымъ и осмотрительнымъ характеромъ; въ проведеніи важныхъ государственныхъ вопросовъ, на которые онъ всегда имѣлъ опредѣленные и ясные взгляды, умѣлъ проявлять настойчивость и твердость; въ отношеніяхъ къ сослуживцамъ и подчиненнымъ отличался рѣдкимъ благородствомъ и внимательностью, за что заслужилъ всеобщую любовь и благодарное воспоминаніе. Онъ трудился спокойно, ровно, съ большою выдержкой, последовательностью и стойкостью. Онъ тщательно и всесторонне изучалъ дѣло, за которое брался, и только послѣ изученія его,

составлялъ себѣ твердо определенное мнѣніе, на основаніи котораго дѣйствовалъ. Чужія мнѣнія и взгляды онъ выслушивалъ охотно и всегда принималъ къ свѣдѣнію, далекой отъ самолюбія и партійности, будучи прежде всего человекомъ безусловно честнымъ какъ въ государственной, такъ и въ частной жизни.

Всякое государство могло бы почитать себя счастливымъ, если-бы имѣло много такихъ преданныхъ дѣлу и даровитыхъ дѣятелей. Поэтому всѣ искренно и отъ души пожалѣютъ о кончинѣ Михаила Николаевича Островскаго, отдавашаго государственной службѣ, съ такой несомнѣнной пользой, слишкомъ большую своей жизни.

П. П. Семеновъ.

(Портр. на стр. 524).

26-го іюля исполнилось пятьдесятъ лѣтъ службы Петра Петро-

вича Семенова, маститаго вице-президента Императорскаго географическаго общества и члена государственнаго совѣта. Заслуги его передъ русскимъ обществомъ, передъ родиной и передъ націей—громадны. Юбиляръ занимаетъ высокое мѣсто среди знаменитыхъ путешественниковъ, а труды его какъ географа и статистика пользуются громкой, европейской извѣстностью. Организован-

Мароккискій султанъ Абдуль-эль-Азисъ.
По фот. авт. «Нивы».

Пріѣздъ мароккискаго посольства въ Петербургъ. По фот. К. Булла авт. «Нивы».

ные, под руководством П. П., многочисленные исследования мало известных областей и стран Азии открыли много нового и ценного миру, приподняли таинственную завесу, скрывавшую до него эту «колыбель человечества» и указали России новые и широкие перспективы в ее поступательном движении на дальний Восток. Имя П. П. Семенова заняло почетное место во главе таких известных миру имен, как имена Пржевальского, Потанина, Мушкетова и др. Много пришлось потрудиться П. П. и в области статистики. Произведенная, под высшим руководством П. П., последняя всеобщая перепись в России имела блестящие результаты; во главе статистического дела П. П. стоял семнадцать лет и работал в этой трудной области, не покладая рук. Чисто научные труды его по географии и статистике справедливо пользуются всемирной известностью; так напр., грандиозный труд его «Географическо-статистический словарь Российской Империи», в 5 томах, является, по своей научной ценности, совершенно исключительной работой. Укажем еще на «Живописную Россию», — ряд огромных томов, посвященных описанию всех областей России, на «Природную флору» и на научно-редактированный им перевод капитального исследования Карла Риттера «Землеведение Азии».

П. П. родился в рязанской губ. 2-го января 1827 г., воспитывался в школе гвардейских подпоручиков, по окончании курса которой, поступил вольнослушателем на естественное отделение физико-математического факультета с.-петербургского университета. В 1848 г. кончил полный курс отделения и получил звание кандидата. В это же время, он был избран членом, только что организовавшегося, географического общества. С этого важного момента его жизни, П. П. всецело посвятил себя географической деятельности, окончательно определившей его дальнейшую научную карьеру. Он был первым путешественником, пионером, отправившимся во главе экспедиции в недоступные глубины Тянь-Шанского хребта, и открыл таким образом дорогу своим последователям. Только однажды П. П. отвлекся от своих излюбленных географических работ, когда влекомый любовью к благу родины, взялся за занятия в комиссиях по освободительной крестьянской реформе, которой он горячо сочувствовал и осуществлению которой страстно желал. Таким образом, он сблизился ближайшим сотрудником Я. П. Ростовцева, а по смерти его, приглашался на совещания, происходившие в государственном совете. Только по обнаружении положения 19-го февраля 1861 г., П. П. получил возможность вернуться к своим любимым географическим работам, не переставая трудиться и по вопросам общего государственного значения, каковы вводившиеся тогда, вследствие главной реформы, акцизная система, преобразование судебной части, введение всеобщей воинской повинности и пр. В 1864 г. П. П. был назначен директором центрального статистического комитета, а в 1875 году — председателем статистического совета. Международный статистический конгресс 1872 г., в Петербурге, происходил под его председательством. П. П. известен еще как большой знаток и любитель художественных произведений. Не менее известен маститый юбиляр и как благотворитель. Он состоит деятельным и энергичным председателем многих благотворительных обществ, из которых некоторые учреждены по его инициативе.

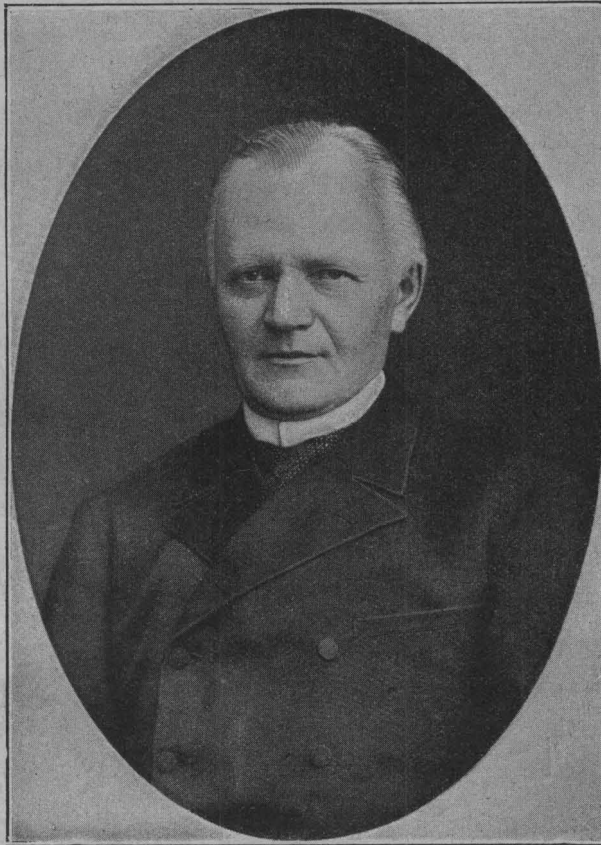
Светлый ум, доброе сердце, бодрый дух и широкие взгляды на вопросы государственной и общественной жизни — вот черты этого выдающегося деятеля России, пятидесятилетний юбилей которого отмечен 26-го июля. Благодарная родина имеет полное основание гордиться своим доблестным гражданином, беззаветно ей преданным. Имя его навсегда останется занесенным в летописи нашей государственной и общественной жизни и труды его останутся навсегда ценным вкладом в отечественную и европейскую науку. От всего сердца, горячо желаем маститому ученому долгих лет жизни и плодотворных трудов на благо родины — такие люди, крепкие волей и духом, не знают старости...

Ко дню своего пятидесятилетнего юбилея, П. П. удостоен был Высочайшего рескрипта, в котором, после перечисления всех заслуг юбиляра, монарх всемирноизвестнее выражает ему «за плодотворное служение родине» свою душевную признательность.

Броненосец „Императоръ Александръ III“.

(Рис. на стр. 524).

Усиление новыми судами нашего военного флота было уже давно назрвшею потребностью, для качественного и количественного уравнения его с флотами других великих европейских держав; потребность эта долгое время оставалась без удовлетворения, вследствие недостатка денежных средств, и лишь с отпуском на судостроительство 80-ти миллионов, дело это двинулось быстро вперед. В прошлом году было спущено два броненосца и, перед их спуском, заложено, в Высочайшем присутствии, судно огромных размеров, которому дано было имя в Божь почившего Государя «Императоръ Александръ III». Къ 21-му июля текущего года броненосец был уже готов к спуску на воду. Торжественный спуск этот, в присутствии Ихъ Императорскихъ Величеств и других Высочайшихъ Особъ, состоялся въ 12½ час. дня, с эллинга Балтийскаго завода, разукрашеннаго флагами и гирляндами. Царский павильонъ, изъ котораго Августѣйшая Семья любовалась морскимъ торжествомъ, былъ роскошно декорированъ зеленью и цвѣтами.

Бывшій министръ государственныхъ имуществъ,
М. Н. Островскій, († 25-го июля 1901 г.).
По фот. Левицкаго авт. «Нивы».

Броненосецъ «Императоръ Александръ III» — настоящій морской гигантъ; подводная его часть окрашена въ ярко-красную краску; верхняя часть сѣрая. Длина новаго броненосца болѣе 376 ф., наибольшая ширина съ обшивкою — 76 ф., осадка въ водѣ — 26 ф., а водоизмѣщеніе, иначе говоря, вѣсъ судна — около 14 тыс. тоннъ; скорость хода — 18 узловъ въ часъ. Броненосецъ снабженъ двумя главными машинами тройнаго расширенія; въ двухъ котельныхъ отдѣленіяхъ находится 20 паровыхъ котловъ. Вооруженіе его составляютъ громадныя орудія, установленныя на восьми вращающихся башняхъ, не считая болѣе мелкихъ орудій, которыхъ всего, вмѣстѣ съ крупными, на броненосцѣ — 62. Кромѣ того, судно несетъ на себѣ еще надводныя, подводныя и сфероконическія минныя вооруженія, сильную крупнороватую броню, которой защищены машина, артиллерія и другія части судна и еще 16 гребныхъ и паровыхъ судовъ.

Какъ видно изъ этого краткаго перечня, это — цѣлый городъ, цѣлая территорія изъ стали, бронзы и желѣза. Минута спуска была очень торжественная; подъ ударами топоровъ пали послѣднія подпорки, удерживавшія великана въ эллингѣ; какъ будто порывался на волю, освобожденный отъ приковывавшихъ его къ доку цѣпей, броненосецъ дрогнулъ и еле замѣтно сталъ двигаться. Съ шумомъ, трескомъ и сгукомъ усиливалъ онъ свое движеніе и, наконецъ, точно ринулся на Неву.

Громкое «ура» многочисленной публики и войскъ, присутствовавшихъ на торжествѣ, огласило воздухъ; били барабаны, на броненосцѣ раздавался гимнъ «Боже Царя храни» и взвились флаги: военный, адмиралтейскій, императорскій, генераль-адмиралскій и другіе.

Но этому великолѣпному торжеству суждено было омрачиться большимъ несчастьемъ. Во время спуска судна, вдругъ пролетѣлъ надъ Петербургомъ грозный шквалъ, сопровождавшійся сильнымъ ливнемъ. Порывъ шквала былъ такъ великъ, что имъ сорвало огромный флагъ придѣланный на верхушкѣ плавающего крана для подъема тяжестей, расположеннаго на Невѣ, вблизи эллинга. Тяжелый флажокъ, длиною въ 21½ саж., былъ отнесенъ ураганомъ въ ряды зрителей и ударилъ по головамъ многихъ присутствовавшихъ. Жандармскій полковникъ В. М. Пирамидовъ мгновенно склонился за бортъ эллинга, окрасивъ бортовые флаги, большимъ кровавымъ пятномъ. Не приходя въ себя, полковникъ тутъ же скончался. Смертельные удары получены были и воспитанниками морского инженернаго училища императора Николая I, которыхъ привезли для присутствованія на спускѣ броненосца. Воспитанику Густомѣсову пробито черепъ, и онъ тутъ же скончался, какъ и полковникъ Пирамидовъ. Воспитаникъ Ванъ-деръ-Берденъ скончался черезъ полчаса послѣ полученнаго удара, когда его несли въ госпиталь. Воспитаникъ Филипповскій былъ раненъ сравнительно легче: у него образовалась трещина теменной кости, а у воспитанника Сачевского произошло сотрясеніе мозга. По отзыву врача, здоровье воспитанника Сачевского не внушаетъ опасенія. Гораздо тяжелѣе положеніе Филипповскаго.

Нечего и говорить какое тягостное, удручающее впечатлѣніе произвела почти мгновенная смерть этихъ трехъ несчастныхъ жертвъ

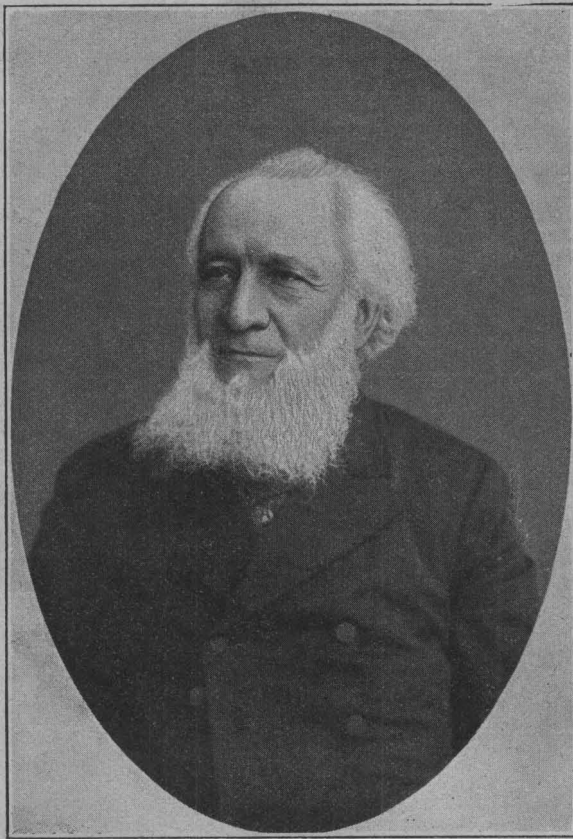
стихийной катастрофы на многочисленную и нарядную публику. Подъ этимъ ужаснымъ впечатлѣніемъ молча расходилась подавленная толпа, покидая элингъ.

24-го іюля состоялось погребеніе тѣла полковника Пирамидова, въ присутствіи многихъ высокопоставленныхъ лицъ. Въ этотъ же день, погребены и воспитанники Густомѣсовъ и Ванъ-дербергенъ. Ихъ отпѣвали за общей заупокойной литіей, въ церкви морского госпиталя, а похоронили въ одной братской могилѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ. Надъ могилой временно угасшихъ юношей поставленъ общій братскій крестъ, съ надписью: «Воспитанники морского инженернаго училища императора Николая I — Георгій Густомѣсовъ и Павелъ Ванъ-дербергенъ, убитые при спускѣ броненосца «Императоръ Александръ III». На ихъ братскую могилу было возложено много вѣнковъ.

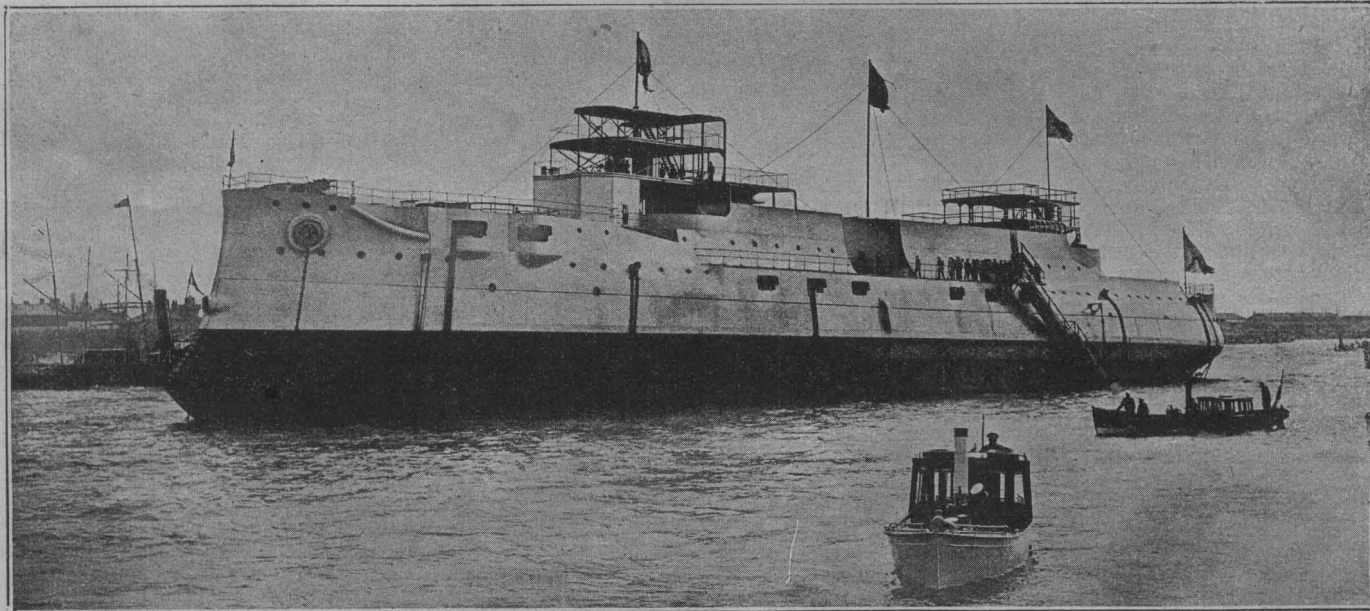
СМѢСЬ.

Механическій сигналъ остановки желѣзнодорожныхъ поѣздовъ. — Вслѣдствіе участившихся въ послѣднее время и на Западѣ крупныхъ желѣзнодорожныхъ катастрофъ, вниманіе публики снова напряженно обратилось на примѣняемыхъ въ желѣзно-дорожной практикѣ мѣрахъ предосторожности. Но здѣсь — увы! — пришлось лишній разъ убѣдиться въ томъ, что эти мѣры далеко не вполне достигаютъ своей цѣли: такъ, напримѣръ, ужаснѣйшія катастрофы нерѣдко случаются вслѣдствіе недостаточности сигнализации. Бывшіе до сихъ поръ въ употребленіи оптическіе и акустическіе сигналы остановки отнюдь не отвѣчаютъ требованіямъ, предъявляемымъ къ нимъ, какъ къ чрезвычайно важнымъ средствамъ безопаснаго желѣзнодорожнаго движенія. Туманъ и снѣжная мятель слишкомъ часто дѣлаютъ оптическіе сигналы незамѣтными, тогда какъ акустическіе (петарды)

большую часть не могутъ заглушить шума поѣзда и обратить на себя вниманіе машиниста. Такимъ образомъ, и тѣ, и другіе не устраняютъ возможности несчастныхъ случаевъ, которые они должны были бы предотвращать. Тѣмъ большее значеніе приобретаетъ предохранительное механическое приспособленіе для остановки поѣзда на полномъ ходу, изобрѣтенное дорожнымъ мастеромъ Конрадомъ Шютте въ Галле и съ честью выдержавшее испытаніе какъ на мѣстѣ, въ Галле, такъ въ Шербеекѣ близъ Брюсселя, въ Бельгій. Аппаратъ Шютте состоитъ изъ рычага о двухъ плечахъ, укрѣпленного въ передней части локомотива, и другого, параллельнаго первому, но объ одномъ плечѣ, насаженного на одинъ валъ съ первымъ, такъ что когда поворачивается одинъ рычагъ, то долженъ двигаться и другой. Верхнее плечо первого рычага удерживается въ своей точкѣ покоя слабо натянутаго проволоочнымъ канатомъ. Этотъ послѣдній простымъ приспособленіемъ можетъ быть натянутъ такъ крѣпко, что оба соединенные съ нимъ плеча рычага получаютъ возможность оказывать сильное сопротивленіе. Идущее надъ рельсомъ плечо рычага оканчивается крюкомъ, назначеніе котораго зацеплять за желѣзное кольцо, привинчивающееся къ рельсу дорожнымъ сторожемъ или же прикрѣпляющееся механическимъ путемъ, когда идущему поѣзду нужно дать сигналъ остановки. Лишь только локомотивъ поровняется съ сигнальнымъ кольцомъ, плечо рычага зацепляется за него, съ силой оттягивается книзу и открываетъ кранъ, замыкающій тормазной воздухопроводъ; тормазъ начинаетъ автоматически дѣйствовать, и поѣздъ останавливается. Кромѣ того, выходящій сжатый воздухъ идетъ по проводу, оканчивающемуся трубой, въ помѣщеніе машиниста, которому звукъ трубы и даетъ знать, что тормазной кранъ открытъ.

П. П. Семеновъ. По случаю 50-лѣтія его службы.
По фот. Классена авт. «Нивы».

Броненосецъ «Императоръ Александръ III» послѣ состоявшагося 21-го іюля спуска его съ элинга Балтійскаго завода.
По фот. К. Булла авт. «Нивы».

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала „Нива“ съ 1 сентября, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой подписной платы за „Ниву“ 1901 года, озаботиться **НЕМЕДЛЕННОЮ** присылкою послѣдняго взноса въ окончательную уплату за журналъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли, подъ которою получается ими „Нива“.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементковскій.